

В.Т. Нарезный

Димитрий Самозванец

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Т. Нарезный**
Димитрий Самозванец / В.Т. Нарезный – М.: Книга по Требованию, 2014. –
208 с.

ISBN 978-5-458-15974-6

Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях.

ISBN 978-5-458-15974-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДИМИТРИЙ

САМОЗВАНЕЦЪ.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Площадь. Къ правой сторонѣ возвышенное мѣсто, покрытое терными сукномъ. Василій Шуйскій стоитъ на колѣняхъ; поднявъ неминого сукно. Подлѣ него двое часовыхъ. Утро.

В. Шуйскій (*опуская сукно встаетъ*).

Довольно! чпо пользы спенать — и молчать? Слезами мстишь женщина — мужчина мечемъ.—Будьте здѣсь, друзья мои, до моего возвращенія. Не допускайте народъ любопытствовать. Я скоро буду. — (*Хочетъ идти; вдругъ встрѣчается съ Георгіемъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

В. ШУЙСКИЙ, КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ.

(Какъ скоро встрѣаются, останавливаются оба и смотря другъ на друга не говоря ни слова. Вас. Шуйской вдругъ удаляется).

К. ГЕОРГИЙ.

Василій Іоанновичъ!

В. ШУЙСКИЙ *(останавливается)*,

Кпо зовешъ меня?

К. ГЕОРГИЙ.

Князь Георгій,—другъ швой!

В. ШУЙСКИЙ *(идетъ)*.

Я ищю человѣка;—мужчина мнѣ надобенъ.

К. ГЕОРГИЙ *(останавливая его)*.

Брашъ! извини! Я тебя понимаю, понимаю эпошъ спрашный взоръ, копорый подшверждаетъ мое осужденіе. Князь! проспи!

В. ШУЙСКИЙ.

Тридцать пять лѣтъ живу я на свѣшъ; пшнадцашъ щипались мы друзьями, и до сей минушы я никого не видалъ любезнѣе, благороднѣе Князя Георгія,—а теперь.....

К. ГЕОРГИЙ.

Теперь.....

В. Шуйскій.

Ребенокъ! (*Хочетъ идти*).

К. Георгій (*останавливая*).

Признаюсь, можешь быть, я сильно оскорбилъ себя; можешь быть, возбудилъ свое негодованіе; но если бы ты зналъ мое положеніе, то вѣрно бы извинилъ меня.

В. Шуйскій.

Твое положеніе? И ты надеешься еще оправдаться? — Цѣлые три дни не быть на площади, пропадать Богъ знаетъ гдѣ, — и можешь быть, веселишься, когда друзья, опечесшво и вѣра спрадаютъ!

К. Георгій.

Такъ, Князь, сильно оскорбилъ я себя; но съ сей минушы я ни на шагъ не опшпану ошь Шуйскаго, куда бы онъ ни повель меня.

В. Шуйскій (*съ презритель-
ною улыбкою*).

Эпо мы ужъ испышали. — Здѣлали планъ, — и Князь Георгій помогъ намъ произвеспи въ дѣйство великое наше предпріятіе! (*Молганіе*). Чшожь могло шакъ сильно занять себя?

К. Георгій.

Можешь быть ты какъ патриотъ, какъ вельможа — и будешь смѣяться надо мною,

будешь упрекать меня малодушiemъ; но повѣрь, другъ мой,—я, какъ человекъ, и припомъ спрашной молодой человекъ, не могу не чувствовашь....

В. Шуйскій.

Далѣ!

К. Георгій.

У меня похищаютъ Ксенію!

В. Шуйскій.

Далѣ!

К. Георгій.

Василій Іоанновичъ! не говори такимъ голосомъ—не смопри шакъ спрого. (*Схватываетъ съ жаромъ его руку*).

В. Шуйскій (*съ негодованіемъ*).

Право? И эпо говоритъ мнѣ Князь Георгій? И эпо говоритъ онъ, когда опечесиво его спенаешъ подъ игомъ бѣдспвія? Когда онъ каждый день видипъ новыя его раны и каждый часъ слышишь о новыхъ раззореніяхъ городовъ его? Гм! Князь! (*выводитъ его къ сторонѣ*) видишь эшафоны? (*оборотясь на друцю*) видишь висѣлицы? (*вырываетъ у него руку*) и помышляешь о брачномъ ложѣ!— Россіане шруппами своими успидаютъ улицы и площади, Россіане горятъ въ своихъ домахъ съ женами, дѣшми и имѣніемъ,—а мы,

ихъ Князья и Вельможи, безопасно покоясь на своихъ ложахъ, улыбаемся погибели опечесшва.

К. Георгій (*отступаетъ съ робостію*).

Василій Іоанновичъ!

В. Шуйскій.

Князь! опирой мнѣ о какой новомъ бѣдспивіи—скажи мнѣ средспва опразишь его! увѣрь, что шущь нужна кровь моей невѣспы, что она шолько можешъ осушишь слезы проливаемыя невинностію на развалинахъ опечесшва;—скажи: Шуйскій! если ты хочешъ, чтобы цвѣло швое опечесшво—нужна смершь швоей невѣспы; увѣрь, и клянущь шебѣ Всевѣдущимъ, шрунь ея распрошрешся у ногъ моихъ.

К. Георгій.

Князь! ты великій человекъ! но—и я, клянущь Всевѣдущимъ, я соглашущь изгладить себя изъ книги шворенія, соглашущь уничтожить свое сущеспвованіе—если когда либо я думалъ иначе, нежели ты—если когда либо не хотѣлъ бышь Шуйскимъ. Но ты меня не выслушалъ.

Еще при жизни опца ея, когда я былъ просшымъ Княземъ,—Ксенія Царевною,—Годуновъ вручилъ мнѣ ея руку.—Георгій! ска-

заль онъ,—можешъ бышь, я не кончу войны съ Самозванцемъ, или кончу несчастливо, пообщай не оставляшь моей Ксеніи.« Я клялся,—клялся благимъ небомъ, и сердце мое увѣряло меня, что я исполню свою кляшву. Тогда я вкушалъ блаженство, почерпалъ новую жизнь въ невинныхъ ея объятіяхъ, и эта жизнь образовала мнѣ рай небесный. Тогда не одинъ разъ говорилъ я ей: »Ксенія! если по какому нибудь несчастному опредѣленію неба ты потеряешь свое шипло, и сдѣлаешься простою крестьянкою — Князь Георгій первый — кошорый, сбросивъ свои украшенія, падешъ у ногъ крестьянки съ такимъ же подобоспрашiemъ, съ какимъ повергался онъ предъ дочерью Повелишеля Сѣвера;—я клялся—и Князь *(беретъ его за руку)* не ужели я поступилъ безчестно? не ужели лишился добраго имени; если въ шочности исполнилъ свою кляшву?

В. Шуйскій.

Молодой человекъ! ты говоришь такъ пламенно, какъ никогда не можешъ говорить языкъ лепечущаго сласполюбца; такъ чувствуешь, какъ не можешъ чувствовать разнѣженное сердце въпреницы; — и если ты сдѣлался пресшупникомъ, — то сердце мое ручается, что ты имѣлъ важныя, очень важныя причины.

К. Георгій *(съ удивленіемъ)*.

Преспуникомъ ?

В. Шуйскій.

Какъ? ты не понимаешь? Кто разрушилъ заговоръ къ погубленію Самозванца и къ спасенію опечесшва? Не мы ли положили, чпобы вчера, при эшой шумной радости пьянаго народа, когда Самозванецъ праздновалъ мнимое свое рожденіе, и когда упившіеся его Поляки выпустили бердыши изъ рукъ своихъ—не мы ли положили напасъ на него? У меня въ домъ было собраніе — ждемъ Георгія — нѣшъ его; — отправаемся скрышно во дворець—ждемъ, суешимся—нѣшъ его!—Между шѣмъ, какъ мы съ брашомъ Михайлой Іоанновичемъ рѣшилисъ вдвоемъ зломишься въ его спальню—новое бѣдшвіе поразило насъ. Крикъ народа, вопли пораженныхъ и поражающихъ раздавались по улицамъ. Сбѣгаемъ съ Краснаго крыльца, проходимъ улицы—вездѣ грабипельсшво и насиліе. Поляки оспанавливали проходящихъ, грабили и рѣзали.

К. Георгій *(съ ужасомъ)*.

И эшо вчера!

В. Шуйскій.

И эшо вчера, когда Князь Георгій покоимся въ безопасности съ своей Ксеніею.

К. Георгій.

И эпо вчера—и безъ всякаго наказанія?

В. Шуйскій.

Проходимъ улицу—видимъ ошпановленную колесницу. Нѣсколько Поляковъ разпрягли лошадей; другіе вывели дѣвицу — и при нашихъ глазахъ, Георгій! при глазахъ главныхъ Вельможъ, подпоръ опечесства—подлые швари могли нанести безчестіе Россіянамъ. Мы удвоили шаги свои; сабли заблестали въ рукахъ нашихъ; но прежде нежели могли мы подбѣжать и дать помощь несчастнымъ — всѣ Поляки разбѣжались.—Подходимъ—и видимъ—кого же?—*(Хватаетъ его за руку)*. Если и при эсихъ словахъ сердце швое не забьется злобою къ шيرانу; если жилы швой не наполнятся кипящею кровію, если и шеперь мечъ не заблеститъ къ рукъ швоей,—то я первый нанесу тебѣ удары смерти, если ты еще назовешься—хотя одинъ разъ назовешься—Россіяниномъ—Княземъ!

К. Георгій *(сѣ яростію)*.

Кого, говори! кого увидѣли вы?—не мучь меня!

В. Шуйскій.

Боярина Тушчева!

К. ГЕОРГІЙ *(мгновенно из-
торгаетъ мечь).*

И если сердце мое не забьется убійственною злобою къ ширану, если въ груди моей не разольется желчь мщенія и эша спаль не ульется кровію его—и послѣ всего этого я назовусь Россіяниномъ, Княземъ—по обрати ее на меня, испочи по капль кровь мою, жги на огнѣ, — и когда успрашенная душа моя будейтъ носиться на шрепещущихъ губахъ моихъ, когда сердце будешъ биться мерпвымъ бїеніемъ — тогда доверши ударъ свой—скажи: ты умираешь не Россіяниномъ!... Боярина Тупчева?—О несчастный!

В. Шуйскій.

Боярина Тупчева—и подлѣ него полумерпвую, обруганную дочь его.

К. ГЕОРГІЙ.

Праведное небо!... Чпожъ вы?

В. Шуйскій.

Мы прокляли свое безсиліе — и медленіе Георгіево.

К. ГЕОРГІЙ.

И мое медленіе!—Такъ! меня постигло это проклятіе—я несчастливъ!

В. Шуйскій.

Продолжай шеперь.

К. Георгій.

За три дни, когда мы уговорились сдѣлать бунтъ, прихожу во дворець и заспаю въ слезахъ Ксенію. Она рассказываетъ, что Димитрій часъ опъ часу болѣе пламенѣеть въ своей къ ней страсти, и она должна выбрать любое, — бѣжать, или согласиться на его требованія! — Что предпріяшь? Долго выискивала я средства для ея спасенія — и почелъ за самое лучшее, опвесить ее въ монастырь и поручить Игуменѣ Марѣ, матери убиеннаго Димитрія. Съ радостію она приняла ее; опвела шайную келью — и я почти безопмучно былъ при ней эти три дни. Но, или опмошностію Игуменѣ, или адскою хитростію мучителя — я, споя сего дни съ нею въ опдаленнѣйшемъ мѣстѣ на хорахъ — увидѣлъ въ низу Игнація, эшаго гнуснаго соглядатая. Онъ смопрѣлъ на насъ, усмѣхался, и когда по выходѣ я съ нимъ встрѣщился — онъ изогнулся, поздравилъ съ счастливымъ успѣхомъ, захохопалъ и исчезъ.

В. Шуйскій.

Ничего. — Будь увѣренъ, Князь, это ничего! Если мы будемъ дѣяпельны, то онъ не доживетъ до другаго упра, не будетъ имѣть времени ее похитить. *(Слышна музыка).*

К. Георгій.

Это онъ!